

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Запах тает, силы меня покидают	5
Глава 2. Чем громче гремит, тем сильнее болит	13
Глава 3. Из тёплого дома к жизни без крова	19
Глава 4. Ни крошки во рту. Как плохо одному!	23
Глава 5. Ростом маленький, да добычей удаленький	33
Глава 6. Собаки на работу — мясник на охоту!	37
Глава 7. Дикий кабан тут как тут. Пусть ноги меня несут	41
Глава 8. Обманутые, верёвкой стянутые	47
Глава 9. Воспоминания лечат, даже если жизнь калечит	53
Глава 10. Видишь беглеца — лай до конца	67
Глава 11. Лучше любви немножко, чем куриная ножка	73
Глава 12. Нюхом, а не взглядом: Мирек где-то рядом	81
Глава 13. Крики там, крики тут. Похоже, меня где-то ждут	91
Глава 14. Мята знает, что меня угнетает	101
Глава 15. Ах, если б я умел писать, чтобы всё вам рассказать!	115

ГЛАВА 1

ЗАПАХ ТАЕТ, СИЛЫ МЕНЯ ПОКИДАЮТ

Однажды холодным утром я бежал вдоль реки и вдруг почувствовал слабый запах Янинки.

Я остановился, принюхался. Запах был едва уловимый. Казалось, он улетал, как пух одуванчика или комочек кошачьей шерсти. Исчезающий запах. Я прищурил глаза и наострил уши. Но запах уже растворился в воздухе. Тогда я побежал со всех ног, надеясь увидеть или услышать Янинку. Я старался учуять тонкий родной аромат, иногда ловил его нить, следовал за ней... Но нет, она обрывалась или цеплялась за какой-нибудь фонарь или дерево, и я принюхивался опять и опять.

Выбившись из сил, я добрался до площади. Бригада рабочих ремонтировала основание памятника. У этого каменного человека были усы, борода и плащ. Рукой он указывал куда-то вверх, неизвестно куда. Я устал, отчаялся вновь отыскать запах —

и сам не заметил, как ступил в мягкий цемент. Один из рабочих закричал на меня и ударил ногой в живот. Ботинок у него был огромный, с железным носом. От удара я упал, но тут же вскочил. Ничего другого не оставалось, кроме как бежать по мягкому, незаствывшему цементу, оставляя в нём свои следы.

Наверное, рабочие поленились заливать цемент заново: до сих пор там виднеются отпечатки моих лап. Теперь я часть памятника, будто я важная персона, как тот человек с усами, бородой и плащом.

Хромая и поскуливая от боли, я перебежал площадь. Среди запахов мха и сырости, исходящих от домов у реки, опять появился запах Янинки. Я залаял. Я начал искать. Не был уверен, что действительно чувствовал его. Иногда, если очень стараешься вспомнить какой-то запах, начинаешь чують его наяву. Похоже, мне вновь показалось. Пахло плесенью, мокрой землёй, выхлопными газами от проехавшего грузовика и местами каким-то псом. Хотя не исключено, что это я сам пометил территорию несколько дней назад.

Я готов был сдаться, как вдруг снова учуял тонкий аромат. Да! Запах Янинки! Словно она прикасалась своими ручками к этому деревянному забору в парке. Её запах смешался с запахами деревьев, лака, травы, воскресного вечера и мыльной пены. Где-то там, в глубине всей этой смеси, я различил запах нашего

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

старого дома и свежих булочек. И тут всё испортила невыносимая крысиная вонь. Скорее всего, крыса недавно пробежала там, где раньше была Янинка.

Как только закончился забор, прекратился и запах. Теперь земля пахла только ботинками, собачьими кашками и пожёванной жвачкой. Возбуждённый, я побежал дальше, изо всех сил прижимая нос к земле. Я обнюхивал деревья, фонари, асфальт, камни и даже трамвайные рельсы. Они пахли железом, и вообще-то нюхать их было небезопасно. Я нашёл много разных запахов: грустных, далёких... Человеческий пот, книги, босые ноги. Но запах Янинки уже не вернулся.

Почувствовать его и не найти саму Янинку — как же так? Я без сил повалился в траву, закрыл глаза. Может, мне померещилось? Может, это был просто чей-то похожий запах?

* * *

Янинка — это девочка, которая играла со мной. Девочка, которая жила в моём доме. Ещё там жили маленький мальчик, мужчина, который пах табаком и краской, и женщина, которая иногда пахла цветами, а иногда лимонным пирогом. Так было, когда у меня был дом.

Я не знал, сколько времени прошло. Понимал только, что очень давно не спал у кровати Янинки, на сером коврике. Сначала поля и деревья были такого же

цвета, как коврик. Потом наступила жара, вслед за этим выпал снег, а позже всё замёрзло и снова оттаяло. Жара приходила ещё три раза, и три раза на липах появлялась листва, а затем цветки, которые вкусно пахли.

В те времена я лучше видел, лучше слышал и, возможно, лучше различал слабые запахи. Не знаю. Когда я думаю об этом, мне кажется, что прошла вечность. Но запахи не так легко забыть. Я вообще считаю, что забыть запахи невозможно.

У каждого есть свой запах. Поэтому Янинка пахла Янинкой. Если вы не знаете, что значит пахнуть Янинкой, мне, пожалуй, будет непросто найти с вами общий язык.

По утрам Янинка вскакивала с кровати, хватала меня и щекотала мой живот, а я покусывал её руки и пятки — так я будто бы тоже её щекотал, а она визжала как сумасшедшая. Она пахла всем этим: утром, чистыми полотенцами, радостью, щекоткой и смехом. Её чёрные волосы пахли специями. А ещё, когда она возвращалась из школы, её запах смешивался с запахами других детей: мел, карандаши, стирательная резинка, потные подмышки, пятна от молока, масла, кетчупа и яичных желтков.

Янинка пахла Янинкой, и этим всё сказано.

Её брат Мирек пах желудями: он вечно таскал в кармане парочку, чтобы свистеть через их шляпки.

Ещё Мирек пах грязью, потому что обожал топтать по лужам после дождя. Но всё-таки в основном он пах искрами, потому что его любимой игрушкой был электрический поезд. Когда поезд трогался, от него разлетались маленькие голубоватые искры, и запах от них оставался у Мирека в волосах.

* * *

Я жил в доме на улице, где росли липы. Перед домом раскинулась небольшая лужайка.

Я всегда точно знал, когда Янинка с Миреком возвращались из школы. Никогда я не перепутал бы их шаги ни с какими чужими. Они были ещё еле слышны, но я уже прыгал от радости. Знал, что приближалось время щекотки, игр и печенья. Я мчался вниз по лестнице, садился у двери и ждал, когда смогу броситься на Янинку с Миреком и лизать их лица. А они прикасались губами к моему носу, передавая мне запахи школы и остальных детей. Потом они шли на кухню, садились за большой стол, доставали учебники, карандаши и тетради. На меня не обращали внимания, но я честно терпел. И наконец меня вели на прогулку — самое прекрасное событие дня.

В те времена было так много всего, что я любил!

А когда я остался один, не сохранилось почти ничего.